

МИКЛУХО-МАКЛАЙ Н. Н.

ПЛАВАНИЕ НА КОРВЕТЕ «ВИТЯЗЬ»

ноябрь 1870 — сентябрь 1871 г.

Южная Америка

Дарвин (*Было: Дарвин в конце книги о своем путешествии (далее близко к окончательному тексту)*), исчисляя хорошие и теневые стороны кругосветного путешествия, указывает на один важный момент: именно, что большую и даже громадную часть времени путешественник проводит в море, сравнительно с днями, прожитыми им на берегу. Это говорит Дарвин, путешествовавший на судне, специально назначенном для исследования берегов, и целые года странствовавший у одних и тех же берегов (Южной Америки). Тому же обстоятельству, но еще в гораздо больших размерах, подвергается моя участь на «Витязе», потому что каждый наш переход переносит нас в местности с совершенно различной природой: San Vincente — один из островов Зеленого Мыса и Магелланов пролив, тропики Бразилии и юго-западные скаты Анд.

Во-первых, короткое пребывание в одной местности; во-вторых, трудность и непродолжительность подготовки при недостатке литературной помощи наперерыв мешают. Даже простое уяснение себе этого *statu quo* делается довольно нелегким делом, принимая в соображение недостаточное знание местных языков и трудность нахождения личностей, которых сообщениям можно было бы вполне довериться.

Все эти неблагоприятные моменты объясняют, почему мои сообщения пока что будут ничего более, как разрозненные и неполные заметки, собранные с разных местностей, где приходится побывать (*Далее было: Мне кажется лишним связывать эти частички свежего матерьяла [далее зачеркнуто: которые имеют некоторое значение тем, что собраны по возможности объективно]*, чтобы не придать простому рассказу моих наблюдений и тени полноты сведений, которой они не могут иметь). Предпосылаю эти несколько слов раз навсегда как предисловие к настоящему и будущим моим сообщениям, которые будут не что иное, как выписки из моей записной книжки, которые почему-либо покажутся мне достойными некоторого внимания. Отлагаю до следующего сообщения мои физико-географические морские наблюдения (*Далее было: пока не придется поселиться мне, наконец*) и поговорю о моем пребывании в настоящем в некоторых местностях (*Далее было: которые я успел сделать во время плавания*), которые пришлось посетить в последнее время (*Далее было: и их обитателях*).

Рио-де-Жанейро

[2] 6 февраля. Улицы и рынки в Рио представляют для путешественника, интересующегося антропологию (*Далее было: и этнологией*), обширное поле наблюдений. На каждом шагу встречаются представители разных рас или продукты их помеси.

В двух третях низшего сословия здесь течет чистая африканская кровь или преобладает в нем. Первобытного населения — индейцев — здесь почти не заметно; изредка только попадает метис, которого неопытный еще наблюдатель только с трудом отличит от родившегося здесь европейца. Чистых индейцев здесь уже давным-давно и не увидишь.

Между европейцами различных национальностей преобладают португальцы; что же касается негритянского элемента, то в Рио можно встретить образчики всевозможных племен Африки, начиная с Марокко и Гвинеи до самого Мозамбика.

Хотя настоящие уроженцы Африки вряд ли составляли когда более одной десятой всего бразильского населения, но тем не менее их влияние очень отразилось на общем типе жителей.

Численность негров этих предполагается в настоящее время около миллиона, и цифра эта в последние года не увеличивается, потому что подвоза нет и открытый торг невольниками лет уже 10 как запрещен в Бразилии, самое же рабство далеко еще не выведено (*).

(* Вот что я узнал о положении рабства в последних годах в Бразилии. Несмотря на желания теперешнего императора уничтожить рабство, оно все еще существует вследствие оппозиции очень многих влиятельных личностей (*Далее было*: имеющих голос в правительстве), которые, имея большую поземельную собственность, заинтересованы в этом вопросе, обрабатывая свои плантации неграми, что для них очень выгодно (европейцы не способны при этом климате на такое количество работы, как негры). Так как открытый рынок невольников уничтожен, то их продают и покупают помощью (*Далее было*: газетных) объявлений. Цена этих людей, зная ценность рабов в Нубии и Абиссинии (см. «Известия «ИРГО», т. 5, № 6, стр. (286)), показалась мне громадною. Об ценах этих, само собою разумеется, можно говорить только приблизительно, хотя они даже довольно установлены. Всех дороже ценятся негры и мулаты, обученные какому-нибудь ремеслу, а также объекты женского пола, обладающие преимуществом красоты; цена первым приблизительно до 1800 рублей серебром на наши деньги; за молодых, красивых собою девушек, особенно за мулаток, платят еще дороже. Около 1400 и 1500 рублей серебром платят за негров и мулатов, назначаемых для прислуги, ухода за детьми и т. п. Красивые лица, хорошее сложение и ловкость обуславливают хорошую цену. Самые дешевые рабы, употребляемые для сельских работ, стоят от 1000 до 1200. Вообще мулаты ценятся более, чем негры; затем негры, рожденные в Бразилии, покупаются дороже, чем вывезенные негры из Африки. Причина тому - большая понятливость и лучшие способности мулатов и рожденных в Африке негров. При продаже запрещается теперь разрознивать семьи. Невольник в Бразилии может получать от хозяина только определенное число ударов, за получение свыше положенного количества имеет право жаловаться. Хотя рабство еще далеко не уничтожено, но все-таки оно с каждым годом уменьшается: подвозу нет, и детей мало покупают, боясь в случае освобождения (потерять) потраченные на покупку <?> их деньги).

Рабство негритянских племен в Америке представляет большой антропологический интерес, доставляя нам возможность проследить шаг за шагом изменение столь характеристичной расы, как негритянская, вследствие влияния новых внешних условий не только природы, но и социальной жизни. Что такое изменение существует, доказывает прямое наблюдение, и что оно не такое незначительное, докажет время, усиливая и утверждая (наследственность) это постепенное принаровление к новой среде; очень вероятно, что подобные наблюдения уже существуют в Северо-Американских Штатах, но они мне неизвестны; тем объективнее еще я могу сообщить то, что узнал и заметил. Негры, переноса вполне климат Бразилии, достигают значительной старости и даже очень размножаются между собою, причем, разумеется, большею частью муж и жена принадлежат различным африканским племенам. Таких рожденных в Бразилии негров очень значительное число.

Интересуясь преимущественно этой частью цветного населения, я имел случай видеть многих из них, причем, если объекты наблюдения были молоды, то старался видеть их отца и мать. Оказалось, что все второе поколение, рожденное уже в Бразилии, гораздо светлее, чем первое, даже принимая в расчет, что и в Африке в раннем очень возрасте дети светлее родителей. Изменение цвета действительно очень заметно, бросается резко в глаза, особенно если положительно знаешь, что родители действительно негры. При огромном количестве всевозможных тонов окраски лица мулатов эти интересные объекты теряются в толпе; их можно уже легко принять за смесь, тогда как они не имеют ни капли белой крови, но этот факт давно замечен жителями Бразилии.

Но всматриваясь ближе на это новое африко-американское поколение и сравнивая его с настоящим африканским (*Далее было:* даже просто детей с родителями), замечаешь еще одно очень важное, но трудноуловимое изменение расы. Перед вами домашняя группа: отец, мать и дети уже на возрасте; черты лица последних представляют смесь физиономий отца и матери. Кажется, ни одна новая черта лица не изменила сходства, но, между тем, разница есть, очень большая, но в чем? Всматриваясь пристальнее, внимательно следя за игрой физиономии и движениями, вы угадаете, в чем заключается это таинственное несходство. Не черты, а выражение лица изменилось; в нем заключается эта разница между отцом и сыном, матерью и дочерью. Кроме выражения физиономии, вся манера держать себя, говорить заметно отличны одна от другой.

Наивно-глуповатая, часто при каждой безделице смеющаяся физиономия отца контрастирует с гораздо более неподвижным, скорее грустным лицом сына.

И причин много такого изменения. Стоит только подумать, как различны были условия первых годов жизни отца, рожденного в Африке на свободе, и сына — уже в более холодной стране при далеко не благоприятной обстановке раба, где уже с ранних пор старались извлечь из ребенка большую пользу: заставляли сидеть и работать в душных комнатах или в подвале, или же употребляли на переноску вещей. Вместе с блестяще-черным цветом кожи потерялось его добродушно смеющееся выражение лица (*Далее было:* какое-то пугливо). Эта перемена жизни и обстановки не только подействовала на ребенка, но даже и на отце видны следы ее: цвет кожи негров, долго живущих в более умеренных странах, не остается таким черным и блестящим, как у их соплеменников, живущих в Африке. Он как бы тускнеет, даже бледнеет. Примеры такого изменения я часто видал, во-первых, и несколько подобных приведены Причардом, во-вторых.

Оседлая жизнь, работа, отношение с соседями, отличными от старых своих соплеменников, влияя на характер, изменяя направление мыслей, изменяли также и обычное выражение лица. Все эти моменты производят еще большее влияние на ребенка. К тому же, теперь уже часто, школа, сближение с детьми другой расы еще более удаляют тип второго поколения от типа первого. Это влияние пока еще не столь сильно, чтобы изменить черты лица, но уже первый шаг сделан; другие мускулы напрягались чаще, выражение лица делается другим, и оно-то, мало-помалу устанавливаясь, производит перемену характера физиономии.

Среди европейского общества можно найти целый ряд параллелей, стоит обратить внимание на молодое поколение низших сословий, особенно сельского населения. Посмотрите на группу играющих на улице сельских ребятишек, обратите внимание на малую <1 нрзб.> физиономий и на <3 нрзб.>, войдите в детскую школу в самый малый класс, посмотрите на физиономии — за исключением индивидуальных особенностей, найдется мало различия в физиономии и вообще в целой особе. Войдите <1 нрзб.> в какой-нибудь дом, в котором собралось все семейство уже взрослых членов, выросших

при разнообразной обстановке, поглядите на сыновей, которые, положим, получили университетское образование, и на тех, которые выросли в деревне, занимаясь хозяйством. Грунт физиономий тот же, но лица получили уже различный отпечаток.

Другой пример — из прошлой русской жизни. Многим случалось обращать внимание на как будто различный тип дворовых и крестьян в русской помещичьей усадьбе. Мальчик, взятый лет шести-семи в барский двор, лет 10 спустя очень разнился от родного же брата, выросшего в поле у плуга; черты лица показывали сродство, но выражение оживляло их различно. Возьмите <?>, в каком сословии хотите, обратите внимание на второе поколение пошедших по разным дорогам или различным занятиям и вы увидите то же самое: и сложение, и размеры, и отношение членов одинаковое, но развитие их другое определяет уже различие, которое увеличивается...

Я привел эти примеры, чтобы приблизительно показать, какого рода изменениям подвергается второе поколение негров, рожденных уже в Америке, и что это изменение, столь натуральное и в начале незначительное, усиливается в следующем поколении и может иметь следствием совершенное перерождение расы .

Но не только выражение лица, манера говорить, держать себя различает отцов от детей (*Далее было:* но и все телосложение, мускулатура и даже умственные способности), но и даже умственные способности не остаются неизменны или, по крайней мере, принимают другое направление.

Многие заслуживающие доверия люди уверяли меня, что негры, рожденные в Америке, гораздо смысленнее своих отцов. Очень может быть, что эта сметливость заключалась только в большом усвоении европейских обычаев, к которым они пригляделись с детства. Что это обстоятельство замечено большинством населения, доказывают цены, а именно, что негры, рожденные в Америке, ценятся дороже, чем их отцы.

Чтобы иметь случаи видеть вблизи большее количество цветного населения, я посетил больницу в Рио, где я имел полную возможность осмотреть несколько сотен объектов обою пола. Также по утрам на рынке можно было видеть много представителей различных рас. А личностей, которые мне показались больше интересны, уводя с площади к фотографу, я их приказывал снимать, редко <?> без одежды с трех сторон и в пяти положениях.

(*Перед этой фразой было:* Я уже говорил, что между неевропейским населением встречал в Рио много мулатов) Что мне кажется характеристичным при рассмотрении мулатов — это громадное разнообразие как цвета, так и черт лица (*Причина того - наследственное сходство <1 нрзб.>* На Кар Verde, где много мулатов, я был (*далее зачеркнуто:* удивлен) <1 нрзб.> темнотой некоторых женщин или как в физиономиях их отражается даже национальность отца, тем более что темнокожие туземные женщины африканского происхождения очень похожи <?> между собой. (*Далее зачеркнуто:* Можно было узнать, кто был отец их детей) Между моими рисунками сохранились два портрета: оба различного цвета лица и тела (*см. Т. 6*)), и у большинства — неправильное, очень часто рахитичное телосложение, но, между тем, известно, что между мулатами обоих полов встречаются замечательно красивые люди.

Магелланов пролив

1 апреля. После 23-дневного плавания вошли мы к вечеру в Магелланов пролив и дня через 2 стали на якорь в Punta Arenas — в небольшой чилийской колонии, единственной в

Магеллановом проливе, вообще самой южной колонии в Южном полушарии. Вот несколько подробностей об ней, сообщенных мне теперешним губернатором колонии гномом О. Виелем. Punta Arenas, названная вследствие песчаного мыса, выдающегося в море (53°10' ю. ш.; 0°13' в. д.), перенесена из Port Famine в 1845 г. Древняя колония в Port Famine (Или San-Felipe de Magallanes (53°38' ю. ш. и 0°19' в. д.); был основана 25 апреля 1584 г. испанским мореплавателем Don Pedro Sarmiento de Gamboa; названа эта колония в честь Филиппа II), основанная еще при Филиппе II и совершенно оставленная теперь, покинута вследствие полного неимения пастбищ для скота (разведение которого очень важно для существования колонии, где хлебопашество очень незначительно).

Колония, несмотря на неудобный совершенно открытый порт, гораздо худший в сравнении с Port Famine, в последнее время довольно быстро увеличивается; в 1868 г. было всего 195 жителей, живших в 28 домах, между тем как в 1871 г. число жителей возросло до 850, помещающихся в 210 домах. Кроме домов, находятся и другие здания, как-то: церковь, казарма, школа, аптека и лесопильная мельница. Город развивается, прямые улицы. Эти жители (*Некоторая непоследовательность изложения связана с тем, что текст:* Кроме домов ~ улицы — *представляет собой вставку*) — по большей части чилийцы, в том же числе — очень немного иностранцев (*Далее было:* англичан). Можно предполагать, что эта колония еще увеличится, так как, кроме каменноугольных копей, открыли в недавнее время вблизи протекающей речке золото. Кроме того, года уже два, как Punta Arenas находится в прямом почтовом сообщении с Европой, так как сюда заходят каждые две недели английские почтовые пароходы, идущие из Рио в Вальпарайзо.

Мы остались в Punta Arenas целую неделю, и я мог сделать несколько интересных экскурсий.

4 апреля. Губернатор предложил капитану и офицерам корвета осмотреть каменноугольные копи и золотые прииски. Часа в 2 съехав на берег, мы нашли приготовленными для нас две платформы, на которых мы должны были отправиться по железной дороге миль за 5, где находились копи. Несколько рабочих, обступив наши платформы, привели их в движение, и мы, проехав мимо города, въехали в лес <и> стали подниматься в гору. Все возвышенности около Punta Arenas покрыты лесом, который доходит до самого берега, только вблизи колонии лес вырублен (*Было:* отчасти вырублен, отчасти выжжен). Эта небольшая порубка леса имела уже, по свидетельству жителей колонии, очень заметное влияние на климат колонии, увеличив на много количество ясных дней и уменьшив число дождевых дней. Также огородничество благодаря солнечным дням много выиграло. Это замечание, которое я слышал от многих, мне было интересно, потому что я никогда не думал, чтобы такая сравнительно очень незначительная порубка — не более как на каких-нибудь полторы или две (*Далее было:* или три) квадратных мили — могла бы произвести такую ощутительную перемену.

Перебравшись в нашем экипаже через речку Las Minas, впадающую в море у самой колонии, мы продолжили путь по правому берегу ее. Весною эта речка, которая казалась в настоящую минуту незначительным ручьем, сильно разливается, несет с собою громадные глыбы камней и ломает на пути своим вековые деревья. Следы такого разрушения мы несколько раз видели в этой экскурсии. Лес, по которому мы ехали, состоял преимущественно из видов Fagus, которого стволы достигали почтенной толщины; иногда попадался и лавр, которого свежая зелень резко выделялась от серых стволов преобладающего бука; еще реже встречались древовидные папоротники, но их тонкий ствол не возвышался более, как фута на 4 или 5. Попадались толстые стволы Fagus, в которых было вырублено пещерообразное отверстие в 1 фут вышины и полфута ширины; в этом отверстии тлели, иногда вспыхивали маленькие костры, которые мало-помалу

выжигали весь ствол, который таким образом сваливался; так упало (*Фраза не доработана, дополняем по смыслу*) немало уже громадных деревьев.

Проехав около часа на нашей платформе, долина стала сужаться, так что с правой стороны нашей дороги подымался крутой обрыв, покрытый лесом, с левой же в нескольких саженях бежал ручей.

Проехав немного далее, встретили мы первых золотоискателей; одни выбрасывали из вырытых ям песок, другие наполняли этим песком деревянные желоба, по которым бежала вода; изменяя положение желоба, золотодобыватели могли по желанию изменять силу струи. Другие промывали золото в больших деревянных тарелках или плоских деревянных ковшах.

Несмотря на очень примитивный образ промывки, эти люди могут добывать в день до 10 граммов (1 gram равен приблизительно 76 коп. (*Было: 3 франка*)). В одном месте вид, открывшийся перед нашими глазами, был не только очень живописен, но его частности представили много интересного. В этом месте долина очень сузилась; по сторонам возвышались почти отвесные обрывы, внизу громадные глыбы камней стесняли ложе ручья, по течению которого работали золотопромышленники; в стороне лепились наскоро построенные хижины работающих. Вся картина была освещена только с одной стороны яркими лучами солнца, которое по случаю узкости долины не могло осветить другую сторону (*Фраза не доработана, дополняем по смыслу*). Задний план заканчивался длинной перспективой гор.

Обратив внимание на глыбы, стоящие близ ручья, между которыми некоторые были выше роста человека, я увидел, что они состоят почти исключительно из раковин и, главное, раковин моллюсков, еще ныне живущих. Посмотрев на правый склон или обрыв долины, который представлял почти перпендикулярное сечение в более чем 100 футов вышины, оказалось, что весь холм состоял из раковин. Этот значительный слой был разделен на 3 этажа незначительными слоями песку и мелкого булыжника.

Он доходил почти до самой поверхности, так что черной земли (гумуса) над слоем раковин не было более фута. Это интересное для геолога сечение было сделано искусственно при постройке дороги, причем необходимо надо было, чтобы не запрудить ручья или не строить моста, срезать часть склона холма. Большие глыбы внизу, состоящие из этих же окаменелостей, были отделены при постройке от того же склона. Слой состоял преимущественно из *Pecten*, но внизу мне удалось вытащить обломленный экземпляр большой раковины *Ostrea magellanica*.

По дороге далее я еще раз видел по обнаженным склонам пласты раковин, но недостаток времени и трудность взобраться на крутизну не позволили собрать экземпляры раковин. Пласты были далеко не такие громадные, как первые, но все-таки несколько футов толщины. Добравшись до каменноугольных копей, нам пришлось подняться еще по лестнице футов на 150 от уровня ручья на полвысоты холма, где находился вход в копи, которые мы осмотрели. Существование этой залежи каменного угля известно уже давно, но разработка угля началась только с прошлого года и разработано до сих пор не более как 3000 тонн. Так как разработка и перевозка к пристани стоят, по словам г-на Виеля, около 4 долларов с тонны и за право разработки платится правительству по 1 доллару с того же количества, то цена угля очень высока, именно 10 долларов (*Далее было: которая должна понизиться*). Уголь совершенно подобен тому, который находят по западному берегу Южной Америки в (*Далее было: Лоте и*) *Coronel'e* и *Conception*, и по качествам горения далеко уступает хорошему английскому углю .

Осмотрев копи, мы опять сели на наши платформы. На этот раз не надо было живых локомотивов, толкавших наши колесницы в гору; как только положенные под колеса сучья были вынуты, мы покатались вниз все с увеличивающейся скоростью, только изредка приходилось бежавшему за нами рабочему помогать останавливавшейся платформе перебраться через неровности пути. Менее чем в 40 мин. мы добрались вниз в колонию, между тем как на тот же путь вверх потребовалось более двух часов .

В колонии я узнал от губернатора еще следующее о золотых приисках колонии. Следы золота были открыты самим г-ном Виелем месяцев 17 тому назад, в продолжение которых найдено золота 4000 фунтов стерлингов. Золото может быть промываемо каждым, где и как хочет. Желаящий купить определенное место платит 6 долларов за кусок в 60 метров длиной и 200 — шириной. Эти деньги идут чиновнику, который отмеряет и выдает документ на владение. Приобретенная земля может быть продана владельцем за какую цену угодно; только в случае, если не промывается золота в продолжение 4 месяцев, владелец теряет право на свой участок. Число золотоискателей не превышало 30 человек. Губернатор и все должностные лица не имели право разрабатывать золотые прииски. Для поддержания приисков губернатор обменивает во всякое время обмытое золото на монету, так как еще в колонии не всегда находятся люди, имеющие свободные деньги; он покупает золото на казенные деньги и за меньшую цену, чем обыкновенно.

Узнав, что в колонии живут уже несколько лет двое патагонцев, я приказал отыскать их и сделал их портреты; плоскость и ширина лица у этих людей бросаются в глаза .

6 апреля. Заказав накануне лошадь и проводника, я предпринял поездку в Agua Fresca Bai, отстоявшую от Punta Arenas миль на 25. Я выехал в 7 часов при самой ясной погоде. Температура 7° С была очень приятна для продолжительной поездки верхом. Дорога, которая вывела нас из города и показавшаяся мне чересчур хорошею для Патагонии, минут через 20 езды, спустясь к берегу моря, совершенно потерялась или, лучше сказать, преобразилась в узкую полосу, идущую у самой опушки леса. Был отлив, и все пространство (*Далее было:* в несколько сажень) от узкой тропы до моря было покрыто кругляками различной величины. Направо как стена подымался густейший лес, толстые деревья росли у самой тропинки, и ветви их заставляли меня часто нагибаться над седлом; мой проводник-чилиец, которого я благодаря уцелевшим остаткам знания испанского языка (который я немного знал во время путешествия на Канарские острова и в Испанию в 1867 г) отчасти понимал, объяснил мне, что по этой тропе можно ездить только во время отлива, что прибой во время прилива (вышина прилива здесь (*Было:* у Punta Arenas) 7—8 футов) доходит до самых стволов, и действительно на листьях нижних ветвей я мог замечать следы брызг морской воды.

Таким образом дорога тянулась несколько часов, но ее однообразие вовсе не надоедало; блестящая поверхность пролива освещалась ясным (*Далее было:* осенним) солнцем, рисующим вдали снеговые горы; зеленый густой лес справа, хорошая бойкая лошадь, приятная погода все вместе необходимо влияло на хорошее расположение духа. От времени до времени приходилось переправляться через речки, выходящие из леса и впадающие в море. Эти ручьи, кажущиеся летом такими невинными, неся в конце зимы массу воды от тающих снегов в горах, производят, разливаясь, большое опустошение в лесу, которого следы и теперь были заметны: по берегу, особенно близ устья этих горных ручьев и речек, были раскинуты стволы громадных деревьев. Некоторые лежали уже далеко от берега и были покрыты водой, но сучья еще торчали над поверхностью; другие были отчасти уже зарыты в прибрежный песок и каждый прилив покрывались новым слоем песка и камней. Этот процесс идет здесь очень быстро; проехав далее, я наткнулся на остатки разбившегося судна; ряд шпангоутов высовывался из песка. Я сошел с лошади,

я стал раскапывать песок; слой, покрывавший обломки кия, равнялся без малого двум футам; это судно, как я узнал впоследствии, разбилось у этого берега только четыре года назад. Причиной тому должны быть весьма значительные и сильные приливы, которые во всем Магеллановом проливе играют значительную роль.

Проехав с лишком 4 часа, причем дорога и пейзаж мало изменялись, на одном повороте открылась, наконец, ровная, довольно широкая поверхность спокойной воды, которую мне мой проводник назвал *Agua Fresca* и указал мне на две крыши вдаль, на противоположном берегу, как на цель нашей поездки. Опустив совсем вольно повода, я во весь опор пустил мою лошадь, которая без понукания, почти не изменяя темпа, донесла меня в менее чем в полчаса до небольшой избы. Стая больших собак с лаем, несколько грязных детей различных возрастов и полов с удивленными лицами и несколько чилийцев в пончо, радушно кланяясь, встретили меня. Хижина, к которой я подъехал, была жилищем главного надсмотрщика за стадами, которые за недостатком пастбищ вблизи колонии содержались здесь, где им было вдоволь пищи.

После короткого перерыва, потому что уже был 12-й час, я приказал оседлать мне снова лошадь, которую хозяин, к которому у меня было письмо от губернатора, имел любезность переменить на свежую, и отправился с пастухами в горы в то место, где паслись стада, намереваясь забраться как можно далее. По очень неудобной дороге в лесу, где лошадям нашим приходилось то карабкаться по крутизнам, то скакать через высокие упавшие и загораживающие дорогу пни, забрались мы на высоты, где на небольших лесных лужайках пасся скот. Проехав далее и утомясь ездой, я был рад найти человека, пасшего овец, которому я мог передать мою лошадь, так как мои провожатые на более плохих лошадях один за другим отстали.

Дорога пешком, хотя также не была удобной, но зато представляла много интересного, нового для меня. Лес, по которому я шел наугад, имел особенную физиономию: он состоял почти исключительно из деревьев одной породы — из того же *Fagus*, который растет и по реке *Las Minas*. Верхняя треть ствола только снабжена ветвями, которые образуют верхушку; таким образом, деревья, не будучи покрыты зеленью, представляют в перспективе как бы целый ряд колонн, который поддерживает верхний зеленый свод. Под деревьями также мало видно зелени; весь грунт покрыт толстым слоем отживших листьев, которые целые сотни лет гниют и погребают обрушившиеся от старости деревья, которые попадают на каждом шагу и очень затрудняют путь. Притом трудно вообразить себе ту сырость воздуха и влажность, которые как будто пропитывали и стволы, и листья, и верхние слои земли. Солнце, которое ярко светило в этот день, с трудом проникало через верхний свод, как бы сознавая свою немощь в этом царстве влаги.

Эта громадная влажность очень способствует развитию значительной флоры грибов, мхов и папоротников, но вместе с тем она составляет, как кажется, главную причину большой бедности фауны (Из путешествия Дарвина и других путешествий мы знаем, что юго-западный берег Чили: *Tres Montes*, *Chiloe* и др. (характеризуется влажным климатом и бедной фауной)); это отсутствие животной жизни в патагонских лесах бросается в глаза и вместе с большою сыростью, мертвою тишиною составляют главные характеристичные черты этой местности. Между различными формами грибов (*Далее было:* очень разнообразных своими окраскою и величиною) я узнал, как мне кажется, описанную Дарвином *Suitaria darwinii*. Тысячи этих грибов различной величины длинными рядами унизывали ветви и стволы деревьев. Их молочно-белый цвет резко выдавал их на темном фоне ствола; самые малые были в величину горошины, самые большие достигали размеров малого яблока. Они далеко еще не были спелы; капсулы со спорами, хотя были заметны на разрезе, но на поверхности не было и признака отверстий, через которые

споры должны будут со временем выступить наружу. Я набрал также и других грибов, желтого цвета, в величину горошины, но более удлинённой формы, которые также рядами сидели на стволе и, кажется, принадлежат к тому же роду.

Хотя у берега ветер не был особенно слаб, но в лесу не заметно было ни малейшего дуновения; казалось, что и он не хотел нарушать этого глубокого спокойствия. Я подвигался по лесу (*Было*: Я подвигался таким образом все далее и далее, обдумывая, что выражение «в этот дремучий лес» очень хорошо и верно подходит к), не зная хорошо, куда и когда из него выберусь. Я заметил скоро между деревьями полосу просвета между верхушками деревьев — как бы опушки леса — и был очень заинтересован увидеть, куда выйду; оставив пастуху лошадь, я уже не поднимался в гору, а шел по плоской возвышенности, которая, как я предполагал, медленно опускается к берегу моря.

Я дошел, наконец, до полосы просвета, вышел из-за последних стволов, и перед мной открылась неожиданная картина. У ног моих почва опускалась довольно крутым скатом сажени на две вниз, так что, смотря прямо, я видел нижние части стволов и зеленые верхушки деревьев леса, который стоял на следующей, более низкой плоскости. Я не стоял достаточно высоко, чтобы иметь вид поверх леса, но можно было заметить, что этот уступ тянется в обе стороны. Я (*Далее было*: осторожно) сошел с этой природной ступени, которая оказалась более крутой, чем ожидал, потому что кажущаяся отлогость состояла отчасти из груд сгнивающих листьев, под которыми грунт оказался крупными булыжниками, открытие которого мне едва не стоило падения, потому что, ступя на твердое, это твердое вдруг покатило из-под ноги в виде большого круглого камня и я едва-едва удержался. Внизу я увидел несколько валунов разной величины, которые, должно быть, скатились с этого же обрыва.

Опять потянулся лес, совершенно такой, как и наверху; только между стволами деревьев лежали обросшие мохом огромные камни, которых я не заметил, по крайней мере в таком числе, на верхней террасе. Пройдя более получаса, я опять думал добраться до морского берега и опять ошибся. Я снова подошел к новой ступени, похожей, но несколько отличной от первой. Внизу лес казался менее высок, чем в первом случае, и склон не был так закрыт гумусом и сухими листьями. Нагнувшись, я увидел вдали между деревьями море, но между мною и берегом простиралась еще третья терраса, которую следовало еще пройти. Спустившись, я нашел, что лес совершенно изменил свой характер. Под более молодыми деревьями разросся очень густой кустарник, сучья деревьев, спускаясь низко, заграждали часто дорогу, пни и большое количество камней заставляли или перелезть через них, или обходить их. Немногие валуны только что начинали покрываться мохом.

Утомившись ходьбой, мне казалась эта часть пути самой трудною, и я был рад, раздвинув последние кусты, увидеть в нескольких шагах море и берег, усыпанный плоскими валунами, которые составили превосходное ложе после моей почти что шестичасовой прогулки.

Солнце было уже низко, и великолепный пейзаж заката вполне гармонировал с впечатлениями, которые я вынес из пройденного дремучего леса. На горизонте направо (*Далее было*: длинный белый с красным отливом закат) длинные белые cumulo-strati расположились над Tierra del Fuego (*Было*: островом). Слева выдвигалась из-за облаков совершенно покрытая снегом гора Sarmiento. Обдумывая виденное во время прогулки: лес, расположенный террасами, которые образовали большие уступы, крутые и внезапные склоны, тянущиеся параллельно друг другу и даже параллельно настоящему берегу; грунт под слоями гумуса, состоящий из булыжника, рассеянные валуны — все вместе подтверждало положение, что эти уступы образовал старый морской берег и что ряд

постепенных поднятий превратил морское береговое дно в лесную террасу. Виденные громадные пласты раковин у речки Las Minas позволят геологу, который в этих сторонах найдет множество дела, с точностью определить постепенность и время.

Раздумывая о *<I нрзб.>* прежних и будущих геологических переворотах, сожалея, что моих знаний не хватает в этом отношении, я совсем позабыл, что мне следует подумать о ночлеге, потому что солнце уже село, и мне, может быть, предстоял довольно далекий путь. Дорогу, разумеется, найти было нетрудно. Хижина надсмотрщика находилась у берега, и, следуя ему, я должен был ее найти (*Далее было:* Почти совсем стемнело). Восшедшая луна очень облегчила мое странствие, которое оказалось не совсем удобным, потому что наступающий прилив, заливая почти всю береговую полосу до самой опушки, заставил меня принять вовсе не желанную ножную ванну. Наконец, часу в 9-м я добрался, усталый и голодный, к избе дона Мариано Гонсалеса и, окруженный всей семьей хозяина и пастухами, которые уверяли, что долго искали меня в лесу, боясь, что я заблужусь, расположился обедать у костра, разложенного под навесом у хижины.

Вспомнив о найденных в лесу грибах и собираясь спросить, употребляются ли они в пищу, я сделал открытие, что поданное мне кушанье были те же отваренные грибы. Оба гриба употребляют здесь в пищу: и белый, который называют *Dinonia*, и желтый *Pinato* — в сыром виде и отваренном. Но кушанье это мне очень не понравилось, хотя не имело никакого определенного вкуса. Сырые они не лучше; разжевав их, кажется, что имеешь во рту массу густосваренного крахмального клейстера. Дарвин говорит, что это растение — одна из главных составных частей пищи жителей Огненной Земли. Переселившись сюда, чилийцы скорее согласились употреблять этот невкусный гриб в пищу, чем заняться сажанием овощей.

Так как хижина состояла из двух отделений и из навеса, то, не желая лишать семью, состоявшую из 6 особ женского пола — матери и 5 дочерей, их обычного ночлега, я решился ночевать у костра под навесом, так как другое отделение, где помещались пастухи, показалось мне чересчур грязным и душным (*Далее было:* Отец семейства с женой и двумя взрослыми и тремя подрастающими дочерьми [*далее зачеркнуто:* поместились на трех двуспальных постелях разместились в своей конуре). Ночь была отличная, и я проспал хорошо, несмотря на то, что мерз. Температура днем была 8,5°C.

7 апреля. Так как капитаном мне было сказано, что мы, может быть, снимемся в этот день утром, то время нельзя было терять, и я вернулся в *Punta Arenas* (*Далее было:* в 2 с половиной часа, то есть вдвое скорее, чем ехал туда), проехав около 50 верст в менее чем в 2 с половиной часа.

Подъезжая к колонии, я увидел ехавших по той же дороге двух всадников, которых внешность издали показалась какою-то странною. Догнав их, оказалось, что это были патагонцы, которых целое племя, как я узнал через полчаса, приехало для обмена.

Поровнявшись с ними, я задержал лошадь и поехал с ними. Оба спутника были средних лет, кажется, выше среднего роста и очень массивного телосложения; были завернуты в гуанакские шкуры мехом вовнутрь, которые держались поясом, стягивавшим талию; у одного мех оставлял открытыми руки и часть груди, охватывая туловище под мышками, у другого шкура доходила до самого горла, скрепленная какою-то медною застежкой. Так как рукавов не было, то руки были совсем спрятаны под мехом и повод лошади проходил в прореху между поясом и верхнею застежкой.

Голова была покрыта матово-черными гладкими волосами, которые прядями падали на плечи. Над лбом, у самых корней волос, шла цветная перевязь в палец шириной, завязанная на затылке; она мешала при скорой езде падать длинным волосам на лицо. Черты лица, обрамленного черными волосами, были резки, даже грубы, но линии их далеко не некрасивы.

Из-под меха высовывались голые ноги, продетые в очень примитивные стремяна, которые состояли из небольших палочек с двумя зарубками на концах; в этих местах был привязан разрезанный в длину конец ремня. Это трехстороннее пространство было такое небольшое вследствие короткости нижней палочки, что только три пальца ноги проходили в него. Голая нога была вооружена шпорами, которые, несмотря на свою простоту, совершенно исполняли свою цель; они состояли из двух палочек, один конец которых был вооружен железным острием. Эти палочки были ремнями так пришнурованы к ноге, что выглядывали вооруженным концом с обеих сторон пятки.

Молча, иногда поглядывая друг на друга, въехали мы в колонию. По главной улице скитались группы патагонцев, некоторые верхом, большинство же стояли, сидели, лежали у дверей и окон лавок. Мой проводник, поехавший вперед, предупредил губернатора о моем приезде, который (*Далее было*: был очень удивлен, увидя моих спутников, и спросил их, куда они ездили) вышел ко мне навстречу и сказал, что в этот день утром приехало человек 40 патагонцев с женами и детьми, и предложил мне отправиться с ним. За нами последовал также переводчик-индеец, говоривший и понимавший немного по-испански. Губернатор послал за двумя или тремя патагонцами, которые были еще верхом; подъехали мои оба знакомства. Обещав рому, губернатор приказал показать мне, как кидают болас (Известное оружие или аппарат в Южной Америке, состоящий из трех скрученных ремней, связанных одним из концов вместе, фут до двух длиной. Три других (конца) оканчиваются тремя свинцовыми шарами различной тяжести — обыкновенно около 1 фунта весом каждый. Патагонцы употребляют боласы преимущественно для ловли гуанаков. Дарвин говорит, что ими же ловят дикий скот на Фалкландских островах. *Далее было*: Он же приводит рассказ, что болас, обмотав ноги бежавшего человека, такое произвели в нем беспмятство и сильную *<Не закончено>* . *Место примечания в рукописи не отмечено и определено нами по общему смыслу*) и их езду верхом. Не теряя слов, они согласились, причем один стал поодаль в качестве зрителя, другой распустил немного пояс, причем гуанаковая шкура обнажила мощное туловище: грудная клетка была более чем почтенных размеров. При поверхностном взгляде на это массивное туловище легко можно было подумать, что жировой слой увеличивал обыкновенные размеры, но, присмотревшись, оказалось, что мускулатура была очень развита и сила их резко обрисовалась. Отцепив от седла свои болас и распустив ремни, он (*Далее было*: внимательно осмотрел все прикрепленные у шаров ремни) попросил назначить цель; отсчитав 45 шагов, я указал на на фут выдающийся шест забора.

Патаговец молча отъехал еще шагов 15 далее и, схватив болас за один из шаров, поднял его и, после двух или трех оборотов над головою, пустил свой аппарат по указанному направлению. Вертясь вокруг своего центра свинцовыми шарами, свистящие пущенные боласы имели вид вертящегося плоского колеса. Ремни мигом обмотали предложенную цель (*Далее было*: которую даже не сломало). Так как указанная цель на целую сажень отстояла от земли и желая увидеть действие болас (*Далее было*: когда их сила уменьшается ударом о землю) на очень низкие предметы, я воткнул в том же расстоянии в землю короткую палку. Не успел я отойти, как боласы сделали два рикошета, как представилось, сажень в пяти далее. Клубок, который распутали, заключал, кроме изломанной палки, несколько камней и разный мусор, собранный дорогою.

Тем кончилось все представление, потому что другой, неподвижно сидящий на своем белом коне патагонец оказался почти до бесчувствия пьян, что не мешало ему сидеть на лошади и отъехать от нашей группы со своим товарищем, которому не терпелось прийти в состояние, подобное состоянию своего спутника.

Оставив губернатора, который, несмотря на свое место главы колонии, вел меновой торг с патагонцами, в чем мой приезд как будто развлек его (*Слова Оставив ~ развлек его в рукописи вычеркнуты; связь с дальнейшей фразой неясна*), я пошел по городку, где по улицам разъезжали, группами сидели и стояли около лавок патагонцы. Почти везде, у каждой двери производился торг; предметами мены со стороны индейцев были по преимуществу гуанакские шкуры, страусовые перья (*Далее было:* и страусовые шкуры, сшитые вместе, также), лисьи шкуры. Все это выменивалось на ром, коньяк, а также на европейское оружие. Но главную роль играли спиртные напитки, привлекавшие патагонцев в колонию. Не прошло и трех часов по их прибытии в Punta Arenas, как почти все индейцы были уже так пьяны, что большинство не могло стоять на ногах (*Далее было:* несмотря на то, что они могут выдержать большое количество спиртного). Костюмы были почти у всех одинаковые и состояли из четырехугольного мехового одеяла из кожи гуанак; оно покрывало плечи и падало ниже колен, держась на теле поясом; многие не имели даже и этого, а придерживали свою неудобную одежду руками у груди.

Мужчины, но далеко не все, носили род шаровар, которые не были сшиты, а состояли из длинного, не очень широкого куска материи (сукна, холстины и т. п.), которым были окутаны очень искусно торс ниже пояса и ноги до колен. У некоторых на ногах были надеты род мягких сапог из кожи, но без подошвы; большинство ходили босыми. Длинные развевающиеся волосы, очень эффектно обрамлявшие лицо, были стянуты разноцветными узкими повязками. Некоторые заменили свою гуанакскую шкуру на вымененный у колонистов какой-нибудь испанский плащ или южноамериканское пончо.

Костюм женщин не отличался от мужского. То же гуанакское одеяло, но только у горла плотно зашпиленное булавкой из дерева, меди или серебра (*Далее было:* или брошкой). Некоторые булавки были простые, другие снабжены одним или несколькими сшитыми из волос шнурками, на которых был нанизан крупный бисер и бусы. Заколов мех булавкой, они обматывали этими шнурками крест-накрест концы булавки, которая, таким образом, не могла выскочить. У немногих женщин я видел пояса; большинство плотно запахивало свои одеяла спрятанными под ними руками. Кроме <2 нрзб.> или головной повязки, меховое одеяло было у женщин единственная одежда. Хотя и мягкий мех, обхватывающий туловище почти без складок, перевязанный поясом, был далеко не красив и у мужчин, которые все-таки позволяли себе больше вольности в одежде, то нося свой мех в виде плаща, то спустив его ниже пояса, но он был крайне безобразен и неудобен на женщинах, которые двигались как мумии, едва выставляя несколько пальцев наружу

Разумеется, ром делал их движения свободнее, но и то ненадолго, потому что они, как и их мужья, напивались до беспамьятства. Следя за неловкими движениями патагонцев и видя, что их неудобная одежда больше всего стесняет их, я удивлялся, почему эти далеко не глупые люди не придумают более подходящей, не мешающей их деятельной жизни одежды; скоро я узнал разгадку этого обстоятельства, разговорившись с (*Далее было:* их первым) человеком, который, совершенно походя костюмом и манерой езды на патагонца, отличался от них густою черною бородою, которую не имел ни один из его соплеменников. Оказалось, что этот полунагой, одетый в меховое одеяло наездник был не патагонец, даже не индеец, а аргентинец, бывший житель Буэнос-Айреса, который лет уже 8, по собственной воле пристав к патагонцам, ведет их образ жизни, он говорил по-испански лучше, чем я, и на мой вопрос, одеваются ли патагонцы всегда так, сказал мне,

что в своих пампасах они не носят никакой одежды, а свои одеяла употребляют только ночью, чтобы укрываться ими во время сна, и только во время визитов в колонию они одеваются таким образом, пока за водку не продадут с плеча свой последний мех.

8 апреля. Утром отправился верхом в экскурсию с г-ном П. Мне сказал губернатор, что находится часах в двух или трех езды маленькое озеро — Laguna de los Gansos Bravos (озеро диких уток), в которое впадает речка. Он сам там не был, но, может быть, я найду там что интересное. Он дал нам проводника, бывшего на мосте, и мы отправились.

Выехав на N от колонии, перебравшись через речку Las Miras у колонии, проехав через несколько полян, перебравшись снова через несколько ручьев, мы подъехали снова к морскому берегу, и потянулась снова та же тропа у самой опушки леса, которая доходила до самой береговой линии, так что во время прилива пришлось ехать в воде, что нам пришлось испытать на возвратном пути (*Далее было начато*: День стоял превосходный и, если бы не). Следуя всем извилинам берега, мы обогнули несколько мысов, объехав много незначительных бухт, переправившись через несколько горных ручьев. Лес на крутых холмах походил совершенно на виденный мною в экскурсии к Agua Fresce Bai, только холмы здесь были значительно ниже.

Поехав часа 2, характер холмов изменился. Густой лес заменился кустарником, но вершины, которые показались мне плоскостью, были покрыты высокой высохшей травой.

Наконец, проводник указал на цель нашей экскурсии (*Далее было*: показав вам блестящую ленту воды), сказав, что у подножия того обрыва течет Rio Secco, которая впадает в озеро. Проскакав мимо нескольких почти высохших луж и через прекрасный луг, который в разливе находится под водой, мы подъехали к самой речке и немного выше в тени небольшой рощи принялись завтракать. После этой операции нам оставалось осмотреть Озеро диких уток. Следуя правому берегу Rio Secco, мы подъехали почти к морю, и я к удивлению увидел, что речка в этом месте не впадает в море, а изливается в узкое длинное озеро, лежащее на песчаном берегу влево; крутой левый берег речки загибал круто у впадения речки в озеро и образовывал берег последнего. Въехав на бар, отделявший речку от моря, можно было заметить, что иногда, должно быть весной, переполненная речка изливается прямо в море, разрушая напором воды верхние слои и заменяя их мелкими кругляками, которые составляют дно речки.

Продолжением узкого бара служил более широкий перешеек, тянувшийся между морем и узким озером; посредине перешейка тянулась довольно широкая полоса травы, которая была теперь совсем сухою, но ее присутствие указывало ясно границу прилива.

Рассмотрев положение этих пограничных линий с обеих сторон, можно было прийти к заключению, что в приливах и отливах и самое озеро принимает участие, хотя прилив не бывает в нем такой значительный. Противоположный высокий берег озера состоял из аллювиальных слоев, довольно правильно расположенных. Длина озера равнялась 10 минутам средней ходьбы, ширина, которая мало изменялась, была от 8 до 10 саженей, а в глубину я не мерил, но можно было всюду рассмотреть камни на дне. Вкус воды был солоноватый (*В рукописи*: солодковатый). Проехав через довольно узкий канал, который соединял озеро с морем, и поднявшись на высокий берег, можно было оттуда ясно проследить историю образования узкого озера. Сверху были видны и речка, и бар, и перешеек, и озеро — точно на карте. Можно было ясно видеть, что и по ту сторону речки полувысохшие лужи, соединенные между собою, составляли некогда продолжение озера.

Я объяснил себе происхождение озера следующим образом. Уже по дороге в Agua Fresca Bai, а также сюда я переправлялся через множество речек и ручьев и при этом заметил, что все они не прямо изливались в море, а всегда последние саженной десять, иногда и более, следуя параллельно берегу, были отделены от моря узкою песчаною косою; таким образом, прибой не мешал воде речек изливаться в море. Можно было заметить, что сообразно величине речки этот последний отдел был значительно или меньше. То же самое, мне казалось, послужило образованию узкого озера, которое, следовательно, было не что иное, как последний отдел Rio Secco, тянущийся параллельно морского берега; бар и перешеек мало-помалу образовались взаимодействием двух течений, несущих каждое свой материал для постройки их (*В рукописи: его*),— морского прибоя, усиленного менее значительным приливом, и быстрого течения горной речки, с другой стороны. Этого было достаточно, может быть, для первого времени. Повышение берега, которое здесь, вероятно, имело место, окончило постройку перешейка и отодвинуло морской берег, который тянулся, вероятно, у подножия высокого берега озера на значительное расстояние.

Может быть, что образование озера было следствием внезапного поднятия берега (*Далее было: и что уже после него речка наполнила озеро своею водою*) и что вода была сначала там совсем соленая; во всяком случае, необходимо надо допустить совершенно новое образование перешейка между морем и озером и значительное поднятие его.

Каждая экскурсия приводила к тому же результату: по речке Las Minas — значительный пласт поднятых, ныне еще живущих в океане раковин; в лесу за Agua Fresca Bai — постепенные террасообразные уступы, бывшие некогда морским берегом; здесь — образование озера и поднятой косы, отделявшей его от моря,— все это доказывало факт значительных поднятий, воспоследовавших в сравнительно не слишком отдаленном времени (Поднятие берегов Патагонии *<не закончено>*. Место этого примечания, начатого уже на л. 25, в тексте не отмечено и определено нами по общему смыслу. Судя по тому, что для него оставлено более одной пятой листа, оно должно было заменить следующую фразу, зачеркнутую в основном тексте: Это поднятие — факт уже давно известный, на который указывает Дарвин в своем путешествии и если я привел его здесь, насмотревшись вдоволь на речку и озеро и оглянувшись *не закончено*).

Высокий берег, на который мы поднялись, был краем возвышенной плоскости, которая, пересеченная оврагами и плоскими холмами, далеко простиралась на северо-восток. Эта плоскость была покрыта сухой травой, и только в оврагах и рывинах заметен был кустарник. Очевидно, местность здесь начисто переменяла характер. Около колонии на W и S от нее холмы всё более переходили в горы, так что уже у Port Famine они в это время года были покрыты снегом. От самого морского берега эти холмы и горы были покрыты густым лесом; здесь же все более и более понижающиеся холмы переходят в плоскую возвышенность, которая, как будто понижаясь к N (*Было: к O и NO*), представляет почти что голую степь; там — громадные деревья и богатая растительность, страшная влажность почвы и воздуха, здесь — несколько кустов и сухая трава и только в более глубоких оврагах внизу у речки — мелкий кустарник, попадаются деревья.

— Что там далее? — спросил я проводника (*Далее было: предугадывая ответ*).

— La rатра,— был короткий ответ.

— Как далеко? — продолжил я разговор в том же тоне.

— Часа полтора—два, если скоро ехать; оттуда сегодня патагонцы придут,— прибавил (*Далее было: словоохотливый*) наш арриеро .

— По какой дороге?

— Дорога одна, по которой сюда сами приехали.

— Другой нет?

— Там,— указывая на запад,— гор и лесу слишком много, не проедешь.

Мы находились действительно недалеко от границы двух очень разнородных стран, различие характера которых очень верно очерчено у Дарвина . С одной стороны — плоская возвышенность пампасов Восточной Патагонии, с другой — лесом покрытая горная страна западных берегов Магелланова пролива, которой горы составляли отроги Кордильеров (*Далее было; Мы были на узком перешейке, который соединяет Брюнцвикский полуостров с южноамериканским материком, и между Магеллановым проливом и Otway-Vai. Колония, которая лежит недалеко от границы этих разнородных местностей, есть в то же время <не закончено>*). Эта естественная граница совпадала с границей распространения народов. Патагонцы, привыкши к своим пампасам, завися от них, как всякий народ наездников от пастбищ и мест привольной охоты, редко оставляют свои степи. Самый юго-западный пункт, куда они заходят, это Punta Arenas, да и то редко. Губернатор говорил мне, что последние года патагонцы заходили в колонию не чаще двух, а обыкновенно одного раза в год; в прежние времена они чаще посещали колонию. Гористую и лесистую часть Брюнцвикского полуострова, в которой им трудно было бы странствовать верхом и где для лошадей не хватало бы пастбищ, они оставляют в распоряжении жителей Огненной Земли, которые иногда, перебравшись через пролив, заходят в разные бухты на запад от Port Famine .

Возвращаясь в колонию, нас застал прилив; вода залила узкую тропу у опушки, и брызги смачивали густую стену зелени.

10 апреля. Последние дни нашего пребывания в колонии я посвятил исключительно патагонцам (*Далее было (часть текста заключена в прямые скобки)*): сделал несколько портретов причем старался выбрать физиономии самые типичные, а также те, которые более других отклонялись от общего типа): рисовал их физиономии, рассматривал их вещи и хозяйственные принадлежности, которые имели они с собою, старался при помощи переводчика говорить с ними.

Я уже заметил, что патагонцы, сидя верхом, кажутся очень большого роста, сойдя же с лошади, производят иное впечатление: они, хотя все до единого были выше среднего роста, но не казались такими высокими . Я долго не угадывал причины различного впечатления, пока, наконец, не заметил, что виной тому была длина туловища и относительная короткость ног, которая у некоторых субъектов была особенно заметна .

Острова Рапа-Нуи, Питкэрн и Мангарева

О. Рапа-Нуи (). 12/24 июня.*

(* О. Рапа-Нуи, или о. Пасхи, как большинство островов Тихого океана, носит несколько имен. Древнее имя острова, сохранившееся еще между туземцами, есть Матакиранги, но оно вышло из употребления, потому что остров был известен между жителями других архипелагов только под именем Рапа-Нуи, которое заменило древнее имя. На многих картах, показывающих стремление заменять имена местностей, данные европейскими мореплавателями, туземными названиями, встречается имя Вайху для о. Рапа-Нуи, но это название неверно, потому что принадлежит только одной береговой местности, а не целому острову)

Имея письма из Вальпарайзо к католическому миссионеру о. Рапа-Нуи, капитан «Витязя» решил зайти на этот остров. Часам к 4 пополудня нам представились холмистые очертания Рапа-Нуи, свидетельствующие об вулканическом его происхождении; то же самое подтвердил и красновато-бурый цвет его поверхности, которая издали казалась почти совсем лишенной растительности. Мы легли в дрейф у западного берега, на рейде Анга-роа. На берегу виднелась белая церковь и выбеленный дом миссионера. Хотя ветер был далеко не свеж, но на берегу заметен был сильный прибой. К нам выехала шлюпка, и приехавший на ней человек объявил нам, что миссионер г-н Руссель, к которому имелись письма, уехал на о. Таити недели три тому назад и что за ним последовала часть населения острова, в числе около 250 человек, и что оставшиеся жители Рапа-Нуи ожидают также быть скоро перевезенные на Таити тем же судном, которое забрало ⁷ первый транспорт их соплеменников (На вопрос приехавшему с острова человеку, кто он сам такой, он отвечал, что он родом француз по имени Дютру-Борнье, что он бывший капитан купеческого судна, а что в настоящее время ему поручено одним негоциантом на Таити, г-м Брандером, заняться на Рапа-Нуи овцеводством и что в этом ему помогают двое белых, из которых один американец, а другой немец. Он сообщил также, что купил у миссионеров их церкви и дома и что эти здания обращены в склады шерсти баранов, которых у него уже несколько сотен, и что, кроме того, он ожидает подвоза этих же животных из Австралии. Встретившись на о. Мангареве с г-ном Русселем, бывшим миссионером на Рапа-Нуи, который остался на этом острове с сотнею прежних жителей о. Пасхи, мы услышали дополнение и продолжение повести г-на Борнье об о. Рапа-Нуи, но этот второй рассказ во многом противоречил первому. Оказывалось, из слов г-на Русселя, что именно интриги г-на Борнье заставили миссионера оставить остров, тем более что г. Борнье поддерживал свои требования огнестрельным оружием: он успел привлечь на свою сторону нескольких туземцев Рапа-Нуи и с их помощью стал распоряжаться очень своевольно на острове; при возникшем споре с туземцами по его приказанию было ранено несколько человек и один убит; кроме того, он сжег почти все хижины туземцев сперва в Ангароа, потом в Вайху; приказал выдернуть из земли молодые бататы, почти единственную пищу жителей. Что же касается до церквей и домов миссионеров, то эти здания были вовсе не куплены, а просто заняты г. Борнье, который, кроме того, забрал также принадлежащие миссии 300 овец. Цель г. Борнье, по словам миссионера, была таким бы ни было образом довести туземцев к выселению с Рапа-Нуи, чего он и достиг. Туземцы, видя, что их жилища сожжены, бататы разрушены, уstraшенные поступками г. Борнье, согласились выселиться на Таити и на условие проработать известное время на плантациях г. Брандера, который таким образом, благодаря ловкости своего агента, получил почти целый остров для разводки овец и, кроме того, сотни дешевых рабочих на свои плантации). В это время года о. Рапа-Нуи, имеющий только открытые рейды, не представляет безопасной якорной стоянки, почему наш капитан, несмотря на достопримечательности острова, решил идти далее. Часа через 2 мы снялись с дрейфа,

видевши только очертания Рапа-Нуи, десяток туземцев и трех европейских разводителей овец .

Какие ни были бы причины выселения туземцев о. Рапа-Нуи, интриги ли европейцев или собственное желание оставить страну, представлявшую мало средств к существованию, но это обстоятельство очень уменьшило население острова; возможно даже, что к концу этого года вовсе не останется жителей на Рапа-Нуи, если судно с Таити вернется, чтобы перевезти остаток населения. Помимо последнего выселения, доведшего число жителей при нашем посещении до цифры приблизительно 230 человек, в последних годах население Рапа-Нуи быстро уменьшалось, что видно из следующего сравнения. Кук предполагал число жителей на острове от 6000—7000 человек, после него (хотя мы и имеем несколько приблизительных оценок (Ла-Перуз в конце прошлого столетия говорит о приблизительно 2000 жителях на Рапа-Нуи, Бичи (1826) — о 1260. Эти цифры противоречат чилийским источникам (см. следующее примечание), которые сообщают, что до 1863 г. население Рапа-Нуи не было ниже численностью, как 4000 человек, что причиною уменьшения населения были перуанцы, которые, захватив силою значительное количество людей и уведши их, оставили на острове болезнь (оспу), которая наполовину уменьшила число жителей)) более достоверная перепись (*В рукописи: перечень*) сделана миссионером Е. Эйро (*В рукописи: Ейно*) в 1863 г. ; тогда оказалось жителей на о. Рапа-Нуи 1800 человек, но уже в 1868 г. эта цифра понизилась до 930 человек, в 1870 г.— до 600 человек, в начале 1871 г. население не превышало 500 человек (См.: Memoria que el ministro de Estado en el Departamento de Marino presenta al Congreso Nacional de 1870. Santiago de Chile (стр. 83-110)), - теперь же их на самом острове, как уже сказано, около 230.

Причину такого вымирания населения можно найти отчасти в скудости и перемене пищи. Главная нища островитян Рапа-Нуи в последнее время состояла из батат; мясную пищу доставляли им крысы, размножившиеся на острове и очень мешающие разводке овощей, кролики и собаки. Привезенные миссионерами овцы обещали доставить островитянам более существенную пищу и заменить отнятую ими у жителей Рапа-Нуи, которая была не что иное, как человеческое мясо, бывшее при частых войнах далеко не редким блюдом. Людоедство существовало на Рапа-Нуи очень недавно, т. е. лет 8 тому назад бывали еще случаи миссионеры уверяют, что с христианством этот обычай прекратился , однако же очень молодые (не более 11 или 12 лет) знают, что при них ели человеческое мясо (На о. Мангареве я имел случай видеть десятки жителей Рапа-Нуи и при этом осмотре не мог не заметить, что мужчины старше 30 или 35 лет значительно отличаются от более молодых своим ростом и физической крепостью; я не думаю ошибиться, если причину этой разницы припишу большому количеству животной пищи (в этом случае человеческого мяса), которое они имели сравнительно с более молодым поколением, подростком преимущественно на растительной пище).

Другая, может быть главная, причина заключается в огромной численной диспропорции полов; женщин замечательно мало в сравнении с мужчинами. В начале 1871 г. на 500 жителей приходилось менее чем 100 женщин. На оставшихся 200 мужчин на Рапа-Нуи приходится в настоящее время только 30 женщин. Об численной диспропорции полов на о. Рапа-Нуи говорят уже Кук и Форстер, но вряд ли она была в то время действительною (Эта ошибка, быть может, произошла оттого, что многих туземцы могли спрятать на время пребывания чужеземцев на острове, как это часто делалось и делается на островах Тихого океана), потому что еще теперь более старые жители Рапа-Нуи положительно говорят, что даже при их отцах на острове было более женщин, чем мужчин, а стало мало женщин потому, что в последней эпидемии оспы умирало очень много женщин; они прибавляют, что их жены очень слабы, умирают рано и рожают мало детей. Что

теперешние жены на о. Рапа-Нуи слабы и умирают рано, нет ничего удивительного: кандидатов на каждую подрастающую девочку много, а последних сравнительно очень мало, то ввелось в последнее время в обычай брать их в жены долго еще до наступления зрелости (Регулы появляются у девушек на о. Мангареве между 13 и 14 г., на Таити также около 14 лет), лет 11 и даже 10; неудивительно, что детей не рождается, а такие жены умирают по большей части в чахотке; к тому же обращение с женщинами на Рапа-Нуи очень скверное и даже жестокое.

На Рапа-Нуи самоубийство случается очень часто, и самая незначительная причина ведет к лишению себя жизни, в уверенности, что дух их попадает вследствие того в жилища, где он получит прекрасные украшения, хорошую еду и влюбленных женщин; для достижения всех этих благ они кидаются с отвесных берегов на острые скалы. Об внешности жителей Рапа-Нуи я поговорю, когда я буду говорить об типе жителей о. Мангаревы, пока я перейду к некоторым памятникам, оставляемым этим вымирающим народом.

Очень сожалел я, и досадно мне было, находясь в виду острова, не побывать на нем, не осмотреть тех важных документов прежней жизни островитян, которые делают о. Рапа-Нуи единственным в этом роде изо всех островов Тихого океана. Мне было тем более досадно, что путешественники (Очень многие мореплаватели посетили о. Рапа-Нуи. Начиная с Роггевена, открывшего остров, Кук, Ла-Перуз, Коцебу, Крузенштерн, Бичи, Дю-Пти-Туар и другие рассказывают о своем пребывании на этом острове, но все описания и изображения более чем недостаточны, если захочешь получить понятие об этих памятниках, а не удовольствоваться сообщением, что на о. Рапа-Нуи находятся большие каменные идолы. Очень вероятно даже, что, помимо колоссальных каменных фигур, на острове найдутся не такие громадные, но не менее интересные древности), видевшие эти замечательные памятники, только смотрели на них глазами удивления или равнодушия, и ни один из них не постарался подробно и внимательно изучить эти достопримечательные образцы полинезийского искусства, которые до сих пор остаются почти столь же неизвестными, как и в 1721 г. (*Ошибка в рукописи. Следует: в 1722 г.*), когда Роггевен первый описал их.

Последние более полные и интересные сведения были сообщены г-ном Пальмером, врачом на английском судне «Топаз», который был на Рапа-Нуи в пятидесятых годах, и г-ном Гана, командиром чилийского корвета «О'Гигинс», посетившим остров в прошлом году (Краткое сообщение об этой интересной экспедиции напечатано в годовом отчете Чилийского морского министерства народному конгрессу (см. прим. на с. 59)). Чилийская экспедиция подтвердила в главных чертах уже сообщенные г-ном Пальмером известия, что не все каменные идолы уничтожены (Бичи привез известие, что все колоссальные статуи на Рапа-Нуи разрушены, но уже бывший после него Дю-Пти-Туар опроверг это сообщение. Подтверждение рассказа Пальмера г-ном Гана оттого имеет вес, потому что некоторые писатели, как например, Г. Герланд (см.: Waitz Theodor. Anthropologie der Naturvolker. T. V. 2 Abth., fortgesetzt von G. Gerland, Leipzig, 1870. S. 225), сомневались в верности подробностей, сообщенных г. Пальмером), что еще многие стоят, другие опрокинуты, но еще целы, что главное место их выделки находится у края описанного г-ном Пальмером вулкана Утуити и что в некоторых местах можно было еще видеть, как они в прежнее время стояли, именно на высоких платформах или алтарях. На корвете «О'Гигинс» были привезены разные предметы, которые были отданы в Этнологический музей в Сант-Яго, где я имел случай и удовольствие их видеть. Кроме большого идола (Этот идол, 1 1/2 м вышины, был нарочно выбран как самый малый между громадными, из которых некоторые достигали, по словам Роггевена, до 12 м вышины (см.: Gerland. S. 224). На «Топазе» был отвезен в Англию один из идолов Рапа-Нуи, другой на фрегате французском «La Flore» отправлен во Францию) из черной лавы, в упомянутом музее

находятся 4 барельефа: на двух из них изображены человеческие фигуры различных полов; одна сторона другого плоского камня изображает большую человеческую физиономию; на 4-м барельефе были представлены несколько животных: рыба, рядом животное, похожее на кролика, высеченное около птицеподобного животного с клювом, без крыльев, с руками, имеющими 5 пальцев. Кроме того, там также находились сфинксообразная фигура с человеческим лицом и две также человеческие фигуры, соединенные спинами вместе и стоящие на коленях. Барельефы были сделаны из мягкого вулканического туфа, который легко обрабатывать.

Привезены были с Рапа-Нуи также небольшие деревянные идола (1/2—3/4 метра вышины), которые принадлежат (*В рукописи далее было <зачеркнуто карандашом>*: вероятно) более поздней эпохе и, вероятно, вырезаны помощью железных инструментов. Рассматривая эти барельефы и копируя их (Насколько мне известно, ни на одном из архипелагов Полинезии не было найдено так много и так хорошо выполненных скульптурных произведений, поэтому я постарался сделать с них как можно более точные копии и, как только найду возможность, перешлю в Европу фотографические снимки с моих рисунков и описания этих барельефов, заслуживающие полный интерес), я пришел к убеждению, что они составляют как бы промежуточное звено между большими древними идолами Рапа-Нуи и более новыми художественными произведениями из дерева; некоторые очень характеристические особенности и подробности отделки, также общий характер рисунка и выполнения привели меня к этой мысли. Так как привезенные «О’Гигинсом» древности составляют, по всей вероятности, частичку только того интересного материала, который хранится еще на острове (Ни один путешественник не оставался на о. Рапа-Нуи с целью изучить остров в этнологическом отношении; все, что привезено пока оттуда, было случайно приобретено от туземцев или миссионеров, людей, которые мало расположены к собиранию этих объектов, в которых они не видят никакой цены), то я уверен, что последующее изучение этих остатков полинезийского искусства подтвердит высказанную выше мысль.

Чилийская экспедиция привезла также с Рапа-Нуи две деревянные таблицы, покрытые строками иероглиф, которые в прошлом году произвели большой эффект в ученом мире как первые письма, найденные у островитян Тихого океана. Копию с этих деревянных таблиц я видел у г-на Бастиана в Берлине в ноябре месяце прошлого года, присланную ему г-ном Филиппи из Сант-Яго в Чили. Г-н Бастиан не сомневался в том, что тщательно вырезанные строки значков были действительно письма. Несколько недель спустя я увидел копии с тех же таблиц в Лондоне, в заседании Этнографического общества. Г-н Гексли, показывавший мне их, очень сомневался, чтобы на этих досках было бы изображено что-нибудь шрифтообразное, а предполагал, что эти доски могли служить как штемпеля при выделывании тапы; он думал также, что эти доски как-нибудь случайно принесены на о. Рапа-Нуи течениями. По сделанным на пропускной бумаге копиям (Эти копии были изготовлены следующим образом. На деревянную доску был положен лист смоченной пропускной бумаги и потом легкими ударами мягкой платяной щетки были понемногу выдавлены вырезанные на дереве фигуры. Отпечатки эти очень недостаточны, хотя представляют верные контуры) я не решился тогда прийти к какому-нибудь положительному суждению об этих загадочных таблицах. В музее в Сант-Яго я, наконец, увидел оригиналы копий, виденных в Европе, и, рассмотрев их, согласился с мнением г-на Филиппи (См.: *Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin. Schreiben des Prof. Philipp an Herrn Dr. Bastian. Bd. V. H. 5. 1870. S. 469*) и Бастиана, что ряды значков действительно изображают письма и что доски эти не назначались для выделки тап. Сведения, которые я собрал впоследствии, подтвердили мое мнение.

Вот что я знаю пока об деревянных таблицах Рапа-Нуи. Первый открывший их был католический миссионер Руссель, об котором я уже говорил; две из приобретенных им он дал на чилийский корвет «О'Гигинс», который отвез их в Вальпарайзо; это те же таблицы, которые находятся в настоящее время в Этнологическом музее в Сант-Яго и с которых копии были отосланы директором музея г-ном Филиппи в Берлин г-ну Бастиану.

От г-на Русселя узнал я следующее касательно таблиц. Туземцы называют их «Кохау ронго ронго», что в переводе означает приблизительно «говорящее» или «понятное дерево» (Так перевел мне это название епископ Д'Анциери на Таити, хороший знаток полинезийских языков). Островитяне далее уверяют, что по этим таблицам можно было узнать об важных обстоятельствах, происшедших на их острове, и что знаки, вырезанные на досках, были понятны их отцам, которые сами могли вырезать такие же; в настоящее время на всем Рапа-Нуи не находится, однако же, ни одного человека, который мог бы разбирать эти знаки. Этим таблиц видел г-н Руссель на Рапа-Нуи около 20, которых сберегали в разных семействах; он же сообщил мне, что на больших цилиндрических шапках каменных идолов высечены *совершенно подобные* фигуры, как те, которые вырезаны на деревянных таблицах; это открытие, если оно только подтвердится, может иметь большую важность для этнологии острова. Сам я видел около 10 этих таблиц: в музее в Сант-Яго, у туземцев Рапа-Нуи и у таитского епископа Д'Анциери, которому г-н Руссель прислал много экземпляров этих интересных объектов.

Виденные мною таблицы были различной величины и различного дерева (Г-н Руссель уверял меня, что дерево всех досок одинаково); это различие можно, как мне кажется, объяснить большим недостатком дерева (В настоящее время не находится на Рапа-Нуи ни одного дерева, потому что единственное растение, достигавшее размеров дерева, именно один вид *Edwardsia* (туземное название этого дерева «миро»), почти совсем уничтожено, остались одни только кусты этого дерева), который заставляет туземцев употреблять для многих целей дерево, прибитое к берегу. Некоторые из таблиц, о которых идет речь, носят на себе следы долгого пребывания в воде; одна из них была не что иное, как широкий конец европейского весла. Состояние дерева указывает, что эти таблицы — произведения сравнительно недавнего времени: дерево очень крепко, и фигуры очень отчетливы. Как уже сказано, форма и величина таблиц не постоянны; самая большая, которую я видел, имела 90 см длины, 11 см ширины и 1,5 см толщины, была покрыта с каждой стороны 8 рядами фигур, которых в каждом ряде можно было насчитать около 105; всего было на всей доске около 1680 фигур; на различных таблицах высота фигур изменялась, но на той же доске была почти везде одинаковою.

Обе стороны досок покрыты этими знаками, которые расположены рядами в длину доски; между строками не находится промежутков. Характеристично также то, что положительно вся поверхность таблиц покрыта этим шрифтом: все выемки, неровности, края показывают вырезанные фигуры. Особенность в распределении строк состоит в том, что, если захочешь проследить строку, приходится обернуть целую таблицу, чтобы перейти к следующей (эту особенность легко найти, если обратить внимание на головы фигур). Знаки или фигуры на таблицах вырезаны или выдавлены острым инструментом. Очень многие из фигур представляют животных. Встречаются на таблицах многочисленные повторения той же фигуры, причем та же фигура остается неизменною или показывает изменение в положении частей фигуры (или голова повернута в другую сторону, или рука, или руки держат что-нибудь и т. д). Некоторые фигуры соединены по две вместе, реже по три и более.

Рассматривая ряды этих знаков, приходишь к заключению, что здесь имеешь дело с самую низкою ступенью развития письма, которую называют идейным шрифтом (См.:

*Steinthal Heymann. Entwicklung der Schrift. Berlin, 1852. S. 57 и сл) . Это обстоятельство делает понятным, что примеры такого письма могут являться совершенно спорадически, как это мы видим на островах Тихого океана (Другой случай идейного письма на островах Тихого океана сообщает Фрейсине (*Freycinet L. C. D. Voyage autour du monde, 1817-1820 Paris, 1827, T. 2. P. 107*)).*

О. Питкаирн. 20 июня/2 июля

Нездоровье не позволило мне съехать на берег; я вышел, однако же, на палубу и увидел довольно красивый, покрытый зеленью разных оттенков возвышенный островок . Хотя корвет держался довольно далеко от берега, к нам приехали туземцы на небольших узких пирогах без балансира, которыми они очень ловко управлялись. Приехавшие были одеты в рубашки и панталоны, говорили все по-английски и сказали нам, что, пробывши 3 года на о. Норфольк, в 1859 г. вернулись обратно на Питкаирн, оставив на Норфольке 9 семей (Не стану говорить здесь об истории населения этого острова , которая перешла даже и в детскую литературу; даже сообщение, что жители Питкаирна снова вернулись с Норфолька, тоже не новость, потому что оно находится уже в описании плавания фрегата «Новары»), что их на острове 60 человек. Главу своей колонии они избирают каждый год и, кроме того, один из них заступает место пастора, и так как у них есть школа, то все жители грамотны. На вопрос, сколько детей рождается от одной матери, они отвечали, что средним числом 4 ребенка; между детьми преобладают девочки, что особенно заметно в некоторых семьях, где из 4 детей 3 девочки, так что уже теперь женское население острова превышает мужское.

Вернувшиеся с берега офицеры рассказали с воодушевлением о гостеприимстве и радушии жителей, а также о красоте острова . Они заходили во многие дома, которых было 9, по числу семей, и состояли из сараеобразных зданий без потолка и перегородок . В них находились признаки европейской мебели; с одной стороны стояла двуспальная постель, с другой — были устроены нары, где спали дети и прочие члены семейства; у окна, против дверей, стоял стол. Кроме домов, жители Питкаирна построили себе также церковь. Мой вопрос, сохранился ли между жителями Питкаирна английский тип, был не вполне разрешен; некоторые офицеры сказали, что видели у многих жителей светлые и рыжеватые волосы , что попадались люди с английским типом, но что другие были смуглы и не подходили к первым; те полдюжины человек, которых я видел на корвете, сохранили мало североευропейский тип, и можно было заметить, судя по этому 3-му и 4-му поколению, что если не будет снова подмеси европейской крови, то полинезийский элемент в скором времени одолеет остатки германского .

Вечером жители привезли разных фруктов — апельсинов, банан, ананасов, кукурузы, батат и т. п., а также свиней, кур и уток: крупный скот они весь уничтожили, потому что остров слишком мал, чтобы давать пищу для больших животных. Взамен они получили разные предметы, как старое белье и платье, трос, посуды, пороху, краски и т. п., так как не хотели брать денег, которые у них не в ходу.

В тот же вечер мы снялись с дрейфа и направились к Мангареве, так что я только на другой день рассмотрел губку, которую один из офицеров, г-н В., имел любезность поднять для меня на берегу и привезти на корвет. Она оказалась очень характерною формою, которая в большом количестве обитает северные части Тихого океана, на Курильской и Алеутской грядках. Название ее *Spuma borealis* .

О. Мангарева. 26 июня/8 июля .

Вместо диких, вооруженных копьями с тремя оконечностями из рыбьих костей, и особенно устроенных больших плотов, заменявших пироги, у рифа, окружавшего группу, к нам подошла шлюпка европейской постройки, и из нее вылез старый француз, назвавший себя лоцманом; за ним вскарабкались на палубу и гребцы — туземцы в лохмотьях европейского платья. Пройдя риф и несколько красивых, покрытых растительностью островов, мы направились к главному острову группы, по которому называется вся группа, и, подойдя к живописной горе Дуф, бросили якорь недалеко от главного селения острова, где находятся церковь и дом миссионеров.

После обеда приехали к нам миссионеры: г-н Руссель, об котором я уже говорил, и г-н Барнабе. Сопровождавшие их туземцы привезли с собою фрукты, жемчужные и другие раковины, жемчуг и т. п.; все это они старались выменять на старое белье и платье; особенно ценились ими рубашки; они брали серебряные доллары, причем отдавали преимущество перуанским соль и иногда отказывались от чилийских долларов.

За все они требовали много, отдавая потом за часть сперва назначенной ими цены. Особенно имели они неясное представление о ценности денег, и многие не хотели брать золотых монет, а просили вместо того серебряных долларов.

Так как мое нездоровье продолжалось, то я переселился на другой день на берег. Главный миссионер г-н Блан предложил мне прожить несколько дней нашей стоянки в маленьком, принадлежащем миссии домике, построенном у самого моря, так что с террасы, окружавшей дом, можно было по маленькому трапу сойти прямо к воде. Так как все время моего пребывания на Мангареве я почти не выходил из моей квартиры, то я не могу ничего сказать о местоположении острова, как только то, что растительность густа и довольно разнообразна по берегу, между тем как более крутые скаты гор покрыты низким кустарником.

Хотя я не покидал почти моей террасы, но предметов наблюдения во все время пребывания было для меня вполне довольно.

Июня 2S (июля 10). Почти постоянно моя терраса представляет целую галерею туземных физиономий. Я мог очень удобно предаваться физиономическим и антропологическим наблюдениям. Не зная ни одного из них, не в состоянии будучи говорить с ними, не привыкши еще к этим новым физиономиям, я мог рассматривать их лица совершенно объективно; всякое сближение с ними повлияло бы на верность суждения: явилась бы симпатия и антипатия.

Я сидел молча в удобном кресле и смотрел на эти физиономии и головы расположившихся в несколько рядов за перилами моей террасы. Объекты моих наблюдений также молчали; иногда только некоторые улыбались или перекидывались непонятными для меня словами. Все физиономии очень различного возраста были одного типа, но цвет лица и тела представлял большее различие. Покатый, довольно узкий лоб мало выступал над переносицею. Немного выдающийся, небольшой, но внизу толстоватый нос, с широкими, мясистыми носовыми крыльями, плоская переносица и выступающие глаза делали физиономию плоскою; это впечатление плоскости лица еще усиливалось тем, что у большинства в спокойном состоянии толстая верхняя губа была приподнята и оттопырена кверху; полуоткрытый рот и круглый подбородок довершали этот далеко не красивый профиль. Овал лица был скорее кругловатый, чем удлинен; большинство имело мясистые щеки, и мало видел я очень худых людей и положительно ни одного, которого мог бы я назвать толстым. Разумеется, у многих, особенно у более старых, заметно было в лице более определенное выражение; у многих лоб был нахмурен

и глаза смотрели исподлобья, губы были сжаты и т. д., но таких физиономий было мало, они составляли исключение не по типу, а по выражению, которое у большинства как будто бы еще не установилось и которому я не могу подыскать подходящего названия.

Здесь я снова убедился в верности моего обыкновения изучать физиономии людей в их спокойном состоянии: чуть стоящая передо мною толпа начинала по какому-нибудь случаю говорить, кричать, смеяться, оказывалась полная невозможность схватить общий тип. Несмотря на то, что туземцы Мангаревы довольно часто смеются, причем показывают всю громадность своего рта, я не думаю, чтобы веселость составляла бы характеристическую черту их характера. В толпе, которая несколько раз в день посещала мою террасу, находились многие жители Рапа-Нуи, которые, как уже говорил, остались здесь с г-ном Русселем; эти бедные люди, в количестве около 250 человек, взятые на маленькую шкуну, очень пострадали во время перехода, хотя не продолжавшегося более 10 дней. Недостаток свежего воздуха в трюме и недостаток порядочной пищи были причиною, что несколько человек умерли дорогою, другие, совсем больные, приехали на Мангареву, и между последними двое уже успели умереть на острове. Причина, отчего они остались здесь, та, что, привезенные на Таити, жители Рапа-Нуи должны были поступить рабочими (почти что рабами) на плантации г-на Брандера, владельца судна, которое их забрало; здесь же они оставались свободными.

Тип жителей Рапа-Нуи совершенно один с жителями Мангаревы: тот характеристичный приплюснутый нос, плоская переносица, большой рот и т. д. Вообще они были светлее жителей Мангаревы, но и между ними было заметно различие в окраске. От жителей Мангаревы я мог их отличать отчасти по цвету, отчасти по их нахмуренному, печальному выражению и худобе лица — вероятное следствие недавних передряг. Я выбрал из толпы нескольких индивидуумов и принялся рисовать портреты; пришедший навестить меня г-н Руссель явился очень кстати, послуживши мне переводчиком при разговоре с туземцами Рапа-Нуи. Я их расспрашивал об их идолах, таблицах, письменах и т. д. и узнал от них те подробности, которые сообщил на первых страницах.

Некоторые из более старых туземцев были татуированы; мне сказали, что это были воины прошедших времен Рапа-Нуи, начальники имели татуировку на лице и даже на губах.

Между прочим мне был рассказан г-ном Русселем интересный обычай выбора главных военных начальников на Рапа-Нуи. Помимо короля, который имел свою власть вследствие наследственности, избирался еще один главный военный начальник, имевший также большое значение. Такие начальники избирались ежегодно; для этого все мужское население собиралось в одном месте, и затем желающие конкурировать на власть военного начальника расходились в разные береговые местности. Задача состояла в том, чтобы отыскать и достать гнездо с яйцами одной морской птицы, которая гнездилась в очень неприступных, скалистых местах; доставание гнезда сопряжено было с опасностью жизни, и на это, кроме того, требовалась большая ловкость и сила. Кто первый приносил гнездо с яйцами, получал от собрания власть военного начальника, причем не смотрели ни на род, ни на возраст нашедшего.

При этих избирательствах происходили большие пиры, причем было съедено все, что имелось у жителей. Туземцы Рапа-Нуи имели обычай не резать животных, как, например, кур, а душить их, закапывая их головою вниз в яму и засыпая их землей.

Я спросил, довольны ли они своим теперешним местопребыванием — Мангаревою, и получил ответ, что желали бы вернуться назад в Рапа-Нуи. Язык их схож с мангаревским,

так что они могут понимать друг друга. Оставаясь здесь, они скоро сольются с туземцами Мангаревы .

Остается мне сказать несколько слов об сложении, волосах и цвете кожи жителей обоих островов. Рост жителей Мангаревы и Рапа-Нуи средний (около 1 м и 60 см); сложение довольно пропорционально, но кисти рук и ступни велики и некрасивы. Волосы прямые, толстые, у немногих слегка вьющиеся; цвет волос у большинства черный, но я видел у многих детей волосы серо-рыжеватые. На вопрос мой, отчего у них светлые волосы, мне отвечали, что оттого, что шапок не носят; это было вероятно, потому что верхние волосы и концы волос были светлее, а у корня темны .

У одной женщины с Рапа-Нуи, с которой я рисовал портрет, волосы были тоже серо-желтого цвета. Глаза представляли также оттенки от черного до желтоватого цвета. Наконец, кожа показывала большое различие в окраске, но все тоны были того же основного коричневого цвета, начиная с очень светлого оттенка, который немного был смуглее жителей Южной Европы, до темного, цвет которого подходил к цвету шелухи каштана. Этих последних было немного, и меня уверяли, что цвет кожи зависит в этом случае от занятия этих людей, что самые темные индивидуумы на всей группе были те, которые занимались рыбной ловлей, причем подвергались действию морской воды и солнца . Другая крайность встречается у женщин и у людей, которые во время дня мало выходят на солнце, а остаются в своих хижинах или в тени густых деревьев, которыми окружены их жилища.

29 июня (11 июля) . Так как по случаю прихода корвета многие, особенно молодые женщины, были удалены на другую сторону острова, то мне пришлось обратиться к миссионеру, чтобы получить несколько объектов женского пола для портретов, что и было исполнено, и я мог сам убедиться в миниатюрности, худобе и бледности женщин с Рапа-Нуи сравнительно с мангаревскими.

В этот день я купил разные вещи, употреблявшиеся в былое время на островах; между прочим был и каменный топор, который мне был отдан, потому что хозяин его уже не умеет рубить им деревья, что умел еще делать его отец, как мне сам сказал принесший мне это примитивное орудие .

30 июня (12 июля). Сегодня по случаю ухода пришлось перебраться на корвет. Я отправился к г-ну Блан поблагодарить его за его любезность во время 4-х дней, прожитых на берегу, и узнал при этом свидании еще следующие статистические подробности об Мангареве.

Жителей на всей группе считается теперь 1290 человек, из этого числа около 700 мужчин и 500 женщин. Число женщин в последние года постоянно уменьшается, как это видно даже на следующем подрастающем поколении, которого численность положительно известна, так как все дети ходят в школу; по школьным спискам оказывается на 150 мальчиков только 73 девочки. По спискам о крещении численный перевес также на стороне мальчиков, но он далеко не такой заметный, потому что смертность девочек в детском возрасте очень значительна сравнительно с мальчиками (В Европе, наоборот, мальчиков умирает более в первых годах жизни (см.: *Uhle P. und Wagner E. L. Handbuch der Allgemeinen Pathologie. 4-te Auf. Leipzig, 1868, S. 75*)).

Положение женщины на Мангареве гораздо лучше, чем на Рапа-Нуи, но здесь также ранние браки довольно часты и бывают почти всегда бесплодны; те же женщины, которым удается выходить замуж позже, имеют достаточно детей; круглым числом

приходится на женщину по 4 ребенка; есть, однако же, случаи, что у одной женщины рождается до 11 детей .